

Сэл пожал плечами, взгляд его устремился вдаль, к озеру, отражающему безмятежное небо. — Когда это было такое, чтобы я делал что-то без веской причины? — прошептал он, голос едва слышен. Завтра Бельтайн, а на следующий день в палаты Хауга должен был прийти новый мастер зелий. — Я не припомню случая, чтобы у тебя не было веской причины, — мягко ответил Певерелл. — Почему бы тебе не поддаться им? Это был вопрос, но Сэл колебался. Он вздохнул и посмотрел на небо, на невидимые невооруженным глазом щиты, окутывающие их. — Душевные щиты... Ты знаешь, как они создаются? — спросил он, словно пытаюсь в последний раз объяснить свою причину. Певерелл пожал плечами. — Не совсем. Я знаю, что ты должен умереть за них, чтобы они могли появиться на свет. Как именно они создаются и работают — я не знаю, но сомневаюсь, что даже ты знаешь, как именно они были созданы и как работают. Сэл снова вздохнул, устало потирая лицо. — I know how they were created, — сказал он, и, будто пробуждаясь от забытья, добавил: — Я точно знаю, как они были созданы. Певерелл удивленно посмотрел на него. — Как? Разве не твой отец должен был создать палаты в палатах Хога? Сэл просто пожал плечами. — Конечно, кровные палаты в замке, — сказал он. Певерелл странно посмотрел на него. — В замке нет никаких кровных вардов, кроме наших, Салазар, — сказал он. — Может, я и не очень много знаю о вардинге, но в этом я точно уверен. Сэл снова потер лицо. — Душевные варды, — наконец объяснил он. — Они основаны на обычных кровных вардах. Кровь превращается в душу, если... если... Он замолчал, схватившись за грудь. Сердце колотилось в груди, в ушах звенели боевые крики прошлого, звуки умирающих людей. Он чувствовал, как холодная сталь пронзает его грудь, и слышал, как останавливается его сердце. — Салазар? Он вздрогнул, воспоминания отступили. Певерелл обеспокоенно посмотрел на него. — Салазар, что только что произошло? — Ничего, — голос Сала был хриплым. — Прости меня. Певерелл нахмурился. — Что ты хотел сказать, прежде чем... перестал говорить? И с этим вопросом фантомная боль и шум в ушах вернулись. Он боролся со своим прошлым, которое пыталось снова поглотить его целиком, проклиная свою эйдетическую память. — Сальвазсахар? Сэл вскинул голову, услышав свое правильно произнесенное имя на губах Певерелла. — Ты в порядке? Руки Певерелла мягко коснулись рук Сала, который бессознательно потирал грудь над сердцем. Затем Певерелл схватил руку Сала и медленно оторвал ее от груди. — Ты ранен, Сальвазсахар? Имя было произнесено медленно, осторожно. Было удивительно больно снова услышать свое правильное имя из уст другого — не пьяного — человека. — Я... я в порядке, прости меня, Певерелл. Другой человек явно не поверил ему. Вместо этого он одернул тунику Сала и наконец поднял ее, чтобы заглянуть под нее. Салу потребовалось мгновение, чтобы понять, что делает Певерелл, а когда он осознал действия другого человека, то опоздал, чтобы остановить его. Огромные, обеспокоенные глаза Певерелла встретились с его глазами. — Когда это случилось? — мягко спросил он, все еще внимательно наблюдая за Салом, его взгляд каждую секунду останавливался на ужасном шраме на груди Сала — шраме, который Сэл все время потирал. Сэл встретил его пристальный взгляд. — Вопрос не в «когда», Певерелл, а в «где» и «почему», — поправил он мрачного мужчину. — Тогда скажи мне, где это произошло. Скажи мне, почему это произошло, — Певерелл повторил свой вопрос осторожно, его взгляд был искренним и печальным. Сэл колебался еще мгновение, шум поля боя снова заполнил его сознание. — Это случилось всего в нескольких милях отсюда, — тихо сказал он. — Это случилось потому, что я должен был защитить замок и людей в нем. Глаза Певерелла искали его лицо. — Душевные щиты, — Сэл не был уверен, был ли это вопрос или замечание, но все равно ответил. — Они были созданы, когда я и мои отцы погибли, пытаюсь защитить замок, — тихо сказал Сэл. Ответом был резкий вдох, и теплая рука вопросительно коснулась уродливого шрама на его груди. — Меня пронзили мечом сзади, — ответил Сэл, глядя на пустое небо. — Он прошел прямо через мое сердце. Любой другой человек умер бы — и на мгновение или два я действительно умер. Я просто не мог оставаться мертвым. — Бессмертие, — медленно произнес Певерелл. — Бессмертие, подобное тому, о котором говорили на Сборе. Сэл слабо хихикнул. — Это не было намерением. Я... родился... таким. Певерелл на мгновение замолчал, затем снова вздохнул. —

Итак, душевные палаты, — сказал он проникательно. — Они начали существовать, потому что моя семья и я умерли в тот день, — сказал Сэл. — Если бы я поступил так, как хотят остальные, мне пришлось бы уничтожить их. Мне пришлось бы уничтожить последнее наследие всей моей семьи ради жажды власти нескольких высокомерных лордов. Ответом был резкий вдох, и Сэл наконец нашел в себе силы снова посмотреть на Певерелла. Понимание и ужас наполнили глаза другого мужчины. Его теплая рука на груди Сала переместилась и сжала его плечо. — Я поговорю с ними, — сказал Певерелл, явно имея в виду других основателей. — Даже они не смогут оставаться злыми на тебя, если будут знать, что тебе пришлось уничтожить подопечных, чтобы исполнить их желания. Сэл только фыркнул. — Я сказал им эту правду несколько недель назад, Певерелл, — с горечью сказал он. — Им все равно. Певерелл поджал губы. — Им не все равно, — мягко возразил он. — Они просто не понимают, что значат эти палаты. Я скажу им, что твоя семья пожертвовала жизнью ради них. Если они все еще не будут слушать, я скажу им, что ты умерла, чтобы защитить этот замок от всего, и что я не могу игнорировать такую жертву ради чего-то непостоянного, как желание людей. С этими словами он встал и пошел прочь, обратно в замок. — А если они не послушают? — Сэл позвал его за собой. — Тогда я сам скажу Собранию Владык «нет», — сказал Певерелл, не поворачиваясь. — Некоторые вещи слишком ценны, чтобы уничтожать их ради исполнения неразумных желаний. Они послушались, и постепенно все вернулось на круги своя. Прошли годы, и испытание, проведенное с девочками, было признано успешным, поэтому Сэл высказал свое следующее желание после того, как убедился, что никто не будет протестовать. Он хотел, чтобы они записали в своем законе, что Уорды Хауга будут отделены от любого юридического института, который был или еще будет. Законы Палаты Хауга должны были быть неизменными. Спустя несколько дней, заключив договор с Советом Лордов, Основатели закрепили за Вардами Хауга и их учениками неприкосновенность в любых будущих конфликтах. Для остальных это было излишней мерой, но Сэл настоял. "Лорд Слизерин", как его уже прозвали, давно снискал славу человека, добивающегося своего. Последний гвоздь в эту репутацию был забит годом ранее, когда он добился включения девочек в палаты Хауга. — А вы говорите, что у вас нет амбиций, — усмехнулся Певерелл, наблюдая, как Сэл ставит печать на договоре. — Спорить с Советом, пока палаты Хауга не станут практически отдельной страной, а потом охранять ее так, чтобы ни крыса не пробралась незамеченной! — Что ж, — ответил Сэл, — я должен держать их всех подальше. Ни лорд, ни простой смертный, ни чистокровный, ни колдун, ни колдунья, не обучающиеся здесь, не должны иметь возможности проникнуть незаметно. — Как будто мы когда-нибудь позволим чистокровным войти в палаты Хауга, — фыркнул Годрик. Сэл стиснул зубы. — Почему бы и нет? — мягко спросил он друга. Он знал Годрика! Годрик был добрым человеком, немного доверчивым, иногда слишком готовым принимать истории за правду, но все же добрым. — Из-за историй! Разве ты не слышал, какие они ужасные чудовища? Эти слова ударили Сэла по самому сердцу. Чудовища. Его нежный, любящий Атр. Его ледяная, но любящая бабушка. Его мягко говорящий дедушка. Его замечательный сын. Монстры.